

**Д-р Арон Шнеер,
историк,
лауреат премии Виктора Некрасова 2011 г.
Иерусалим, Израиль**

ФЕНОМЕН ЛАГЕРНОЙ ПОЛИЦИИ В ЛАГЕРЯХ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

**«Горе им, потому что идут путем Каиновым...»
(Послание Иуды, 1:11)**

Лагерная полиция в лагерях для советских военнопленных – явление уникальное. Ничего подобного не было и не могло возникнуть ни в одном из лагерей для западных военнопленных.

Для советских пленных, как оказалось, самым страшным в лагере были не немцы, не комендант, а свои. По словам И.С. Асташкина, «хуже голода и болезней в лагере донимали полицаи из военнопленных»¹.

Как возник в лагере этот институт добровольных помощников немцев? Перед самым началом войны с СССР 16 июня 1941 г. был издан приказ ОКВ, который предписывал подбирать среди новых военнопленных (подразумевалось будущих советских военнопленных – А. Ш.) таких, с которыми можно сотрудничать. Речь шла о создании лагерной полиции. Положение о лагерной полиции, ее статус были утверждены начальником службы общего руководства Вермахта Рейнеке 8 сентября 1941 г.:

«Из благонадежных советских военнопленных необходимо создать полицию в лагерях и крупных рабочих командах, которая будет использоваться комендантом для наведения порядка и поддержания дисциплины»². Немецкая администрация, будучи не в состоянии справиться с многомиллионной массой пленных, прибегла к помощи самих пленных. Тем более, как оказалось впоследствии, этот институт оказался чрезвычайно эффективным и высвободил тысячи немецких солдат для фронта.

Как формировалась лагерная полиция, кто шел в ее ряды?

По мнению немецкого историка Кристиана Штрейта, в полицию записывались, чтобы выжить³. Действительно, страшный голод в лагерях

¹ И. С. Асташкин. Воспоминания. Архив автора. с. 60.

² Архив Яд Вашем. М-53/175, л. 96.

³ Streit Christian. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941-1945. Stuttgart, 1978. S. 397.

породил многие пороки. Ф.Я. Черон отмечает: «Подлецов, кто мог продать родного брата за пайку хлеба, среди нашей толпы было сколько угодно»⁴. В лагере Бяла-Подляска стоило немецкому охраннику придти в любую клетку и сказать, что нужны два человека в лагерную полицию, – появлялась толпа желающих⁵.

По словам И. Асташкина, всего было отобрано около 150 добровольцев, примерно по 20 на каждый сектор лагеря. В случае малейшего неповиновения любой пленный мог быть ими избит палками, ногами, кулаками. Как происходит подобная мимикрия? Асташкин рассказывает об одном из своих больных. «В лагере около Бяло-Подляска я впервые столкнулся со случаем добровольного вхождения человека в дружную полицейскую семью. Это был солдат примерно лет 40 от роду. В течение некоторого времени мы его подлечивали, помогали, чем могли. Пока он был нездоров, то ругал немцев и их прихвостней-полицаев. Через день-другой после выздоровления что мы увидели: наш больной среди полицаев палкой орудует так, что только диву даешься»⁶.

В Саласпилском лагере «комендант через переводчика обратился к выстроенным на плацу пленным: “Нужны сильные и здоровые люди для работы в лагерной полиции”. Долгая пауза. Потом вперед выходит один, за ним сразу еще трое, потом еще один. Комендант, по-видимому, считает, что этого количества недостаточно. Вновь переводчик: “Желательны люди, служившие в советской милиции”. Выходят еще желающие»⁷.

Один из полицейских лагеря для военнопленных в селе Спасск Смоленской области Кирилл Клишин на допросе 10 июня 1943 г. откровенно объяснил следователю НКВД причину, почему он, бывший курсант московского военного училища им. Верховного Совета СССР, стал предателем: «Поступил полицейским в лагерь военнопленных, выполнял требования немцев, избивал русских военнопленных, ради спасения своей жизни»⁸.

Однако голод – лишь одна из основных причин вступления в лагерную полицию. Многие, уверовавшие в победу немцев, шли на сотрудничество, считая, что надо приспособляться к новой власти и стоит начинать с лагеря. Шли, не совсем понимая, что навсегда связывают себя с убийцами. Однако немцы умели привязывать к себе намертво. В частности, в «Распоряжении штаба ОКВ о порядке приведения в исполнение приговора о смертной казни советских военнопленных» от 29 декабря 1941 г. говорилось: «Если в исполнение приводится приговор о повешении, то комендант данного лагеря должен найти среди советских военнопленных подходящих для этого людей, которые за это должны получить какое-либо вознаграждение (деньгами, продуктами и др.). О приведении приговора немецкими военными не может быть и речи»⁹.

⁴ Ф. Я. Черон. Немецкий плен и советское освобождение. Париж, 1987, с. 39

⁵ Там же.

⁶ И. С. Асташкин. Воспоминания, с. 61.

⁷ Б. Н. Соколов. В плену. СПб., 2000, с. 55.

⁸ Архив Яд Вашем. М-33/606, л. 12.

⁹ Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. М., 1987, с. 119

Понятно, что военнопленным, оказавшимся в роли палачей, не было дороги назад. Однако необходимо заметить, что, далеко не все, ставшие лагерными полицейскими, были убежденными противниками советской власти. Психологию подобных, ставших предателями по малодушию, объяснил В. Быков в повести «Сотников».

Состав лагерной полиции был очень пестрым: рядовые и офицеры, представители разных народов. Особенно тщательно и изоциренно в лагерях нацисты разыгрывали национальную карту. В соответствии с приложением № 1 к приказу № 8 начальника полиции безопасности СД от 17 июля 1941 г. еще в фильтрационных лагерях военнопленных сводили в национальные группы и по прибытии к месту заключения размещали в отдельных блоках¹⁰. По словам Н.Д. Фирсова, в Дулаге № 121 в Гомеле пленные на одежде носили нашивками с буквами, определявшими украинцев, белорусов и русских¹¹.

В лагере Лобанд, в Верхней Силезии, стояли отдельные бараки украинцев, белорусов и, так называемый, «русский угол»¹², в Маутхаузене 38-й блок называли «украинским»¹³.

Национальная политика немцев в отношении советских военнопленных была хорошо продумана и направлена на разжигание национальных конфликтов. Эта политика соответствовала принципу римских императоров: «разделяй и властвуй!». Она определялась задачами, провозглашенными Розенбергом 20 июня 1941 г. в его речи «О политических целях Германии в войне против Советского Союза и планах его расчленения». Розенберг утверждал, что на месте европейской части ликвидированного СССР будет создано «четыре больших блока:

1. Великая Финляндия
2. Прибалтика
3. Украина
4. Кавказ»¹⁴.

Затем Розенберг предлагает выделить «Донскую область со столицей в Ростове и Туркестан», включающий всю среднюю Азию¹⁵. Именно эти предложения легли в основу национальной политики в отношении к советским военнопленным.

Уже 27 июля 1941 г. Гальдер записывает в своем дневнике: «Украинцы и уроженцы прибалтийских республик будут отпущены из плена»¹⁶.

Бывший узник лагеря советских военнопленных в Елгаве А.Б. Коробич вспоминает, что «среди пленных были финны, эстонцы и небольшое

¹⁰ Н. Лемешук. Не склонив головы. О деятельности антифашистского подполья в гит-леровских лагерях. Киев, 1978, с.57.

¹¹ Архив Яд Вашем. М-33/479, л. 61.

¹² Ю. Корейский. В немецком плену... с. 70.

¹³ И.С. Потапов. Друзья познаются в беде. Незримый фронт. Воспоминания бывших узников концлагеря Заксенхаузен. М., 1961, с. 179–180.

¹⁴ Преступные цели, с.107.

¹⁵ Б. Двинов. Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк. 1950, с.13.

¹⁶ Ф. Гальдер. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. М., 1968, т. III, кн. 1, с. 201.

количество русских. Финны и эстонцы были призывниками Красной Армии 1941 г., их всех отпустили по домам»¹⁷.

Среди военнопленных, после евреев, в худшем положении находились русские, в лучшем положении – украинцы.

Летчик Н.В. Ващенко, попавший в плен в июле 1942 г. передает следующий разговор между регистратором-военнопленным в лагере Хаммельбург:

«– Украинец?

Я сказал, что не могу считать себя украинцем, так как происхожу из казаков, и всю жизнь прожил в центральных областях России...

– Ну и осёл, так и подохнешь скоро.

Уже после узнал, что немцы создавали для украинцев лучшие условия, назначали на кухню, в лазареты, к крестьянам и т.п.»¹⁸.

Нацистские идеологи отмечали, что «украинский народ, впитавший в себя польско-литовскую кровь, более “зрел”, чем великороссы... представляющие смесь славянской, финской и татарской крови»¹⁹.

Эта «научная теория» объясняет, почему в лагерную полицию немцы специально набирали украинцев (особенно выходцев из Западной Украины): чтобы еще более усилить уже существующую конфронтацию между двумя народами. Так, в Шталаге № 326 в Зенна начался конфликт между русскими и украинцами: почему для полиции отбирали только украинцев? Дело дошло до настоящего побоища между пленными, и для его прекращения немецкая охрана была вынуждена применить оружие²⁰.

Бывшие пленные в своих показаниях неоднократно отмечали, что среди полицейских преобладали украинцы, которые отличались особой безжалостностью: «избивали жестоко и смертельно»²¹.

«В лагере Остров-Мазовецкий полицейскими были только украинцы, – вспоминает И.Я. Гетман. Первый призыв к пленным был такой: «Кто украинец, иди на службу к немцам!»²²

В Вязме и Смоленске «немецким офицерам и унтерам помогали какие-то выродки в красноармейской форме, без знаков различия, говорившие по-русски. У некоторых слышался украинский говор. Они были вооружены однотипными крашеными палками, видно специально изготовленными, и зверски избивали ударами по голове, лицу...»²³

В уже упомянутом приказе Рейнеке от 8 сентября 1941 г. говорилось, что полицейские должны быть вооружены дубинками и плетью²⁴.

Однако по воспоминаниям пленных, вооружение лагерной полиции было более разнообразным: палки различного сечения – круглого или

¹⁷ В. Гуцин. Лагерь для военнопленных красноармейцев в Елгаве. – Диена, 24.02. 1993. (Латвия).

¹⁸ Н.В. Ващенко. Из жизни военнопленного. Париж, 1987, с.252.

¹⁹ А.Г. Алдан (Нерянин). Кто я? Цит. по: М.В.Шатов. Материалы и документы освободительного движения народов России с. 58.

²⁰ Huser, Reinhard Otto. Das Stammlager 326 (VI K) Senne 1941-1945. Sowjetische Kriegsgefangene als Opfer des Nationalsozialistischen Weltanschauungskrieges. Verlag fur Regionalgeschichte, Bielefeld, 1992/ S. 127.

²¹ Там же.

²² И.Я. Гетман. Интервью с автором 26.6.93.

²³ Архив Яд Вашем. М-33/604, л.61.

²⁴ Karl Huser. Reinhard Otto. Das Stammlager 326 (VI K) Senne... S. 127.

прямоугольного, как, например, в Бяла-Подляске²⁵; плетки, нагайки, дубинки деревянные и резиновые обернутые медной проволокой²⁶, гофрированные трубки от противогозов и даже такое экзотическое оружие, как «хлыст из бычьего полового члена – особо высушенный и препарированный. От удара таким хлыстом оставался длинный и болезненный синяк при легком ударе и кровоточащий сизый рубец при сильном»²⁷.

Как правило, полиция формировалась из людей физически сильных, аморальных, не знавших ни жалости, ни сострадания к своим товарищам. В лагере Константиновка, Сталинской области, «...русские полицейские... очень физически здоровы, ходят засучив рукава с плеткой в руках»²⁸.

Э. Белкин вспоминает, что в Шауляйской тюрьме, частично превращенной в лагерь военнопленных, «эти изверги тоже из бывших солдат – их было около десятка – ходили по тюрьме с плетками и дубинками. Особенно свирепствовал старший полицай по кличке “Горилла” – бил он беспощадно»²⁹.

Полицаи, так их называли пленные, находились на привилегированном положении. Они получали улучшенный по сравнению с другими пленными паек, были хорошо одеты, жили в отдельном помещении, пользовались правом свободного перемещения по территории лагеря. Руководство лагеря специально создавало такие условия для своих добровольных помощников.

Численность полицейских в лагере колебалась от двух-трех десятков на 500–1000 человек до нескольких сотен в большом лагере.

Кроме общей лагерной полиции в каждом бараке было от 3 до 5 полицаев. Если лагерную полицию, жившую в отдельном бараке, пленные сравнивали с НКВД, то барачных полицейских, живших в общих бараках, но в отдельной комнате вместе с комендантом или старостой барака, сравнивали с милицией.

Среди начальников лагерной полиции, особенно в дулагах и шталагах, порой попадались и уголовники, однако чаще всего, а в офлагах – всегда ими становились кадровые военнослужащие, как правило, бывшие офицеры Красной Армии.

Полицаи были настоящими хозяевами лагеря: они разыскивали коммунистов, комиссаров, политруков, евреев, – всех «нежелательных элементов»; грабили, избивали, убивали...

Везде лагерная полиция бессовестно обкрадывала своих же, забирая из общего пайка по две-три порции на каждого полицая. В офлаге Замостье, если человек не сопротивлялся, то за отнятую вещь полицаи давали кусок хлеба или котелок баланды «полицейского разлива». Если человек пытался постоять за себя, его просто избивали, а вещь забирали³⁰.

И. Асташкин вспоминает, что в лагере № 310, неподалеку от Гамбурга, под полицейскую реквизицию попадал даже скудный паек пленных. «Один из

²⁵ И.С. Асташкин. Воспоминания, с. 60.

²⁶ Архив Яд Вашем. М-37/1314, л.2.

²⁷ П.Н. Палий. В немецком плену... с. 96.

²⁸ Архив Яд Вашем. М-37/1314, л.5.

²⁹ Э. Белкин. Моя одиссея. «Еврейский камертон». – Приложение к газ. Новости недели 01.08.2002.

³⁰ П.Н. Палий. В немецком плену. Париж, 1987, с. 91.

полицаев отобрал от меня жалкую пайку хлеба. Я сопротивлялся и при этом едва не лишился жизни, так полицай с размаху ударил меня тяжелой граненой палкой. Целился в голову, но попал по спине. Пленные хорошо знали полицаев. По именам и кличкам. Наиболее свирепые из них были Степан, Чарли Чаплин, Монгол, которого так прозвали немцы, за его монголоидную внешность»³¹.

В лагере Миллерово летом 1942 г. полицаи отнимали добротные ботинки, сапоги. Если пленный сопротивлялся, его тащили в «полицейскую» и там с ним расправлялись: двое полицаев раздевали его, привязывали к доске, и каждый из них давал ему по 10 плетей. Избивали до полусмерти, а ботинки забирали. Пленным приходилось сознательно портить свою обувь: делать дырки, рвать, резать верх. Однако если полицейские замечали, что это сделано специально, – избивали.

Полицаи в лагерях были исполнителями наказаний за малейшую провинность: близко подошел к проволоке, не поприветствовал полицейского, нарушил очередь за получением баланды, замешкался в строю...

«В Миллерово в день подвергалось наказанию не менее 50 человек. Виновный должен был раздеться догола и лечь на скамью. По распоряжению дежурного давали 10 или 15 нагаек. Если человек сопротивлялся, добавляли еще 10. А если “огрызался и ругался”, тогда били 4 полицаи и получалось 40. После такой экзекуции человек уже не двигался, его относили в сторону и обливали водой. Для полицаев – это было развлечение.

У старшего полицаи было три нагайки. У каждой свое название. Первая – “волшебная”, ею можно нанести до 50 ударов, она “волшебно” излечивает, так рассуждал старший полицаи. Вторая – “офицерская”, ею можно без причины ударить по лицу просто так, для развлечения. Третья – “королевская”, это особая нагайка. Состояла она из многочисленных медных прутьев, в конец вплетен оловянный шарик. Если раз ею полоснуть – вторично не попросишь...»³²

В Рославльском лагере на Смоленщине в день набиралось 30–40 нарушителей. Не поприветствовал полицаи – получал 25 ударов, разорвал фашистскую газету – получал 30 ударов. Нарушителя клали на скамью, на голову и на ноги жертвы садилось два человека. Двое других пороли изо всех сил. Счет вел старший полицаи³³.

Нередко лагерные полицаи принимали участие в убийствах и расстрелах военнопленных. В Орловском лагере Маслов полицаи 1-го блока (блока смерти, в котором содержались евреи, коммунисты, политработники), – по собственным словам, убил 60 военнопленных³⁴.

В марте 1942 г. в Кременчугском лагере было расстреляно 50 военнопленных. Раздетых, их выстроили цепочкой и каждого в отдельности

³¹ И.С. Асташкин. Воспоминания, с. 66.

³² С.М. Фишер. Воспоминания. Рукопись, с. 12, 20.

³³ С. Голубков. В фашистском концлагере. Смоленск, 1958, с. 121.

³⁴ Архив Яд Вашем. М-33/564, л. 15–16.

подводили к вырытой заранее яме и стреляли в затылок. При этом полицай Андрей Губа подгонял каждого кнутом с криком: «Быстрее, быстрее!»³⁵

Вряд ли большинство полицаев испытывали угрызения совести из-за своего предательства и готовы были делать все, что скажут им их хозяева-немцы. Так, бывший лагерный полицейский К. Клишин, отрицая свое участие в расстрелах пленных, на допросе в отделе НКВД сказал: «если бы мне поступило распоряжение водить на расстрел военнопленных в порядке обязанностей, я также выполнил бы эту роль, т. е. водил бы на расстрел»³⁶.

Однако случалось и такое: одному из полицейских в лагере Россошь Воронежской области было приказано расстрелять военнопленного, который оказался его товарищем по службе в Красной Армии. Обреченный на смерть, уже голый, он находился в яме, но полицейский не смог выстрелить, заплакал, выронил из рук винтовку. Стоявший рядом немец, подхватил винтовку, ударил полицейского прикладом в грудь, застрелил его товарища, а затем погнал полицейского в лагерь, и там его расстреляли³⁷.

Во всех лагерях полиция вела охоту на политруков и комиссаров, работников НКВД и милиции, на евреев. С пойманными расправлялись зверски. В Миллерово предатель указал старшему полицаяу на одного военнопленного, что тот политрук. Этого было достаточно, чтобы расправиться с ним. Полицаи, получив разрешение у коменданта на самосуд, раздели политрука, привязали к столбу посреди лагеря, облили бензином и подожгли. Всех заставили смотреть. Кто отворачивался, били нагайкой по лицу³⁸.

В Дулаге № 126 в Смоленске до весны 1942 г. начальником лагерной полиции был некий Григоренко, бывший старший лейтенант Красной Армии. Он избивал военнопленных, отбирал ценные вещи, продавал их населению и процветал³⁹.

Вообще работа в лагерной полиции приносила доход. Во всех лагерях полицаи охотились за золотом. Если замечали у кого-то золотые зубы, выбивали их, в лучшем случае вырывали с помощью щипцов. Иногда за коронку давали несколько паек хлеба. Всю добычу делили между собой, но львиную долю забирал начальник полиции. Рядовой полицай в месяц получал одну или две коронки⁴⁰. Кроме того, полицаи наживались и на доставке в лагерь продуктов для черного рынка.

Начальники полиции редко долго оставались на одном месте. Например, в Дулаге №126 весной 1942 г. на смену Григоренко, получившему повышение (назначен комендантом в другой лагерь), пришел Т. Долганов, 33 лет, бывший председатель райсовета одного из районов Смоленской области. Появление начальника полиции Долганова, свирепого и кровожадного, наводило ужас на весь лагерь. Немецкое начальство лагеря любило Долганова, так как он одним

³⁵ Там же. М-37/1191, л. 28.

³⁶ Там же. М-33/606, л. 11.

³⁷ Там же. М-33/496, л. 32.

³⁸ С.М. Фишер. Воспоминания. Рукопись, с. 20.

³⁹ Архив Яд Вашем. М-33/626, л. 33.

⁴⁰ С.М. Фишер. Воспоминания. Рукопись, с. 15–16.

ударом убивал пленного, если подозревал, что он политработник, комиссар или еврей. В июне 1942 г. Долганова, отправленного немцами в Германию, сменил Павел Тупицын 25 лет. Он ходил в немецкой форме, был вооружен, награжден Железным крестом II степени. Тупицын отличался особым зверством по отношению к политсоставу Красной Армии, работникам НКВД и евреям⁴¹.

«В Седлицком лагере начальником полиции был назначен русский полковник из пленных. Это был здоровый, высокий мужчина с одутловатым и рябым лицом. С громадной дубиной в руках он целыми днями расхаживал по лагерю и собственноручно творил суд и расправу. Пленные его боялись и старались не попадаться ему на глаза»⁴².

Многие из лагерных полицаев делали неплохую в их понимании карьеру. Так, некий П.К. Сиренко прошел путь от лагерного полица до агента гестапо, а затем стал зам. начальника Харьковской тюрьмы⁴³.

В офицерских лагерях начальниками полиции становились офицеры: у них не было уголовного прошлого. Начальником полиции в офлаге Замостье (Польша) был полковник Гусев, затем его сменил майор Скипенко, помощниками у него служили капитан Стрелков и старший лейтенант Полевой⁴⁴.

Начальником полиции офлага Владимир-Волынска вначале был майор Джигасов, добровольно перешедший на сторону немцев⁴⁵. Его сменил подполковник А.Т. Макаенок, участник обороны Севастополя. Он командовал полком в последние дни обороны города и в начале июля 1942 г. был взят в плен. Осенью того же года возглавил лагерную полицию и был ее начальником до расформирования лагеря в мае 1943 г.⁴⁶

Видимо, не звание и не довоенная должность, а проявленное усердие и доверие немцев, приводили к назначению начальником полиции не офицеров порой даже в офлагах. Так, начальником полиции офлага № 55 в Погегяй (Литва) был Федор Кочетов, бывший старшина погранотряда, а офицер – лейтенант Фролов, ходил в заместителях. Рядовым лагерным полицейским в том же лагере был офицер Бойко – бывший директор школы⁴⁷.

Нередко на полицейские должности попадали коммунисты, и, чтобы завоевать доверие немецкой администрации и выслужиться, они расправлялись с пленными похуже немцев. Немцы во всем им доверяли, как и всем тем, кто охотно и беспрекословно выполнял их волю.

Проявившие себя полицаи и начальники полиции перемещались из одного лагеря в другой, и всюду за ними шел хвост их прежних «заслуг» и печальная слава. Во многих лагерях был известен под кличкой «Юрка» бывший военнопленный Юрий Саакян. Три года он кочевал в качестве начальника

⁴¹ Архив Яд Вашем. М-33/626, л. 33–37.

⁴² К. Кромпади. Советские военнопленные в Германии в 1941 г. Новый журнал. Нью-Йорк, 1953, № 32с. 197.

⁴³ Архив Яд Вашем М-37/156, л. 31–32.

⁴⁴ П.Н. Палий. В немецком плену... с. 90–91.

⁴⁵ Архив Яд Вашем. М-37/1176, л. 8.

⁴⁶ К.М. Александров. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945. СПб. 2001, с. 197.

⁴⁷ Архив Яд Вашем. М-33/995, л. 21.

полицейским по разным лагерям. Его даже назначали лагерфюрером. Не только он сам, но даже его имя вызывало страх у военнопленных⁴⁸.

Были известны и имена «Василия Колисниченко и Личманенко, которые, как проклятие, останутся на всю жизнь в памяти каждого пленного, сидевшего в Холмском лагере...»⁴⁹.

В городе Гугенштайн в лагере № 2В особенно зверствовали полицейские Дубинский и Нестеренко. Последнего называли «человек с плеткой». В октябре 1942 г. его убили сами пленные⁵⁰.

Как объяснить жестокость лагерной полиции? Понятно, что у кого-то это могло быть мстостью за преследования органами НКВД, за пребывание в советских лагерях и тюрьмах. Можно объяснить уголовным прошлым, но зверства и издевательства были не только в лагерях, где содержались рядовые красноармейцы, но и в офицерских лагерях, где среди пленных были репрессированные, но не уголовники. За что и кому мстят те, кто служил в кадрах Красной Армии? Существует и такая версия. П.Н. Палий пишет, что еще в Замостье прошел слух о том, что лагерная полиция – «это агентура НКВД, специально переброшенная в лагерь, чтобы здесь создать такие условия жизни, чтобы жизнь в лагере была бы страшнее смерти в бою. Многие этому верили, и до известной степени не без оснований. Та же система жестокого террора и элитная организация небольшой группы избранных, грабящих большинство. Такая же сеть сексотов, рассеянная среди всех пленных. П.Н. Палий приводит слова одного полицейского, избивавшего пленного офицера: «Ты думал, что плен – это спасенье! Нет, браток, ошибся! Тут тебе и Колыма раем вспомнится!»⁵¹

Но есть и более простые объяснения, данные самими полицейскими. Когда несколько жительниц села Спасск, где находился лагерь военнопленных, увидев избивание военнопленных, спросили у уже упомянутого К. Клишина: «Зачем ты избиваешь бойцов, они такие же русские, как и ты?» Он ответил: «А что вам их жаль? Они сами этого заслуживают. Нашему брату только попусти, они тебе на голову вылезут»⁵².

Но и среди полицейских попадались порядочные люди. В Харькове, в лагере на Холодной горе на территории тюрьмы, в сентябре 1942 г. полицейские вели себя совершенно иначе. Здесь не свирепствовала плетка. По воспоминаниям С.М. Фишера, «начальник полиции старался сам разобраться в возникавших беспорядках, кражах, драках, без вмешательства немцев. Если кто-то осмеливался попросить окурков, то в отличие от других, он не бросал его на землю, а отдавал в руки. Куда нельзя было ходить и заглядывать, были таблички – «запретная зона». За четыре дня пребывания в лагере, нагайками никого не убили, публичных порок не устраивали»⁵³.

⁴⁸ А. Бежецкий. Немецкий шпион перед судом РОА. Материалы и документы освободительного движения. Нью Йорк, 1966, с. 72–73.

⁴⁹ К. Кромиади. Советские военнопленные в Германии... с. 197.

⁵⁰ И.С. Потапов. Друзья познаются в беде. М., 1961, с. 179–180.

⁵¹ П.Н. Палий. В немецком плену... с. 98.

⁵² Архив Яд Вашем. М-33/606, л. 2–5.

⁵³ С.М. Фишер. Воспоминания. Рукопись, с. 37–38.

«Старший полицейский в Холмском лагере был молодой человек лет 25, с высшим образованием, по национальности грузин. Его звали Сандро Жвания. ...он сумел взять лагерь в руки и установить в нем относительный порядок, и вместе с тем отношение его к пленным было гуманным и отзывчивым. Его все любили. К сожалению, он умер от сыпного тифа»⁵⁴.

В чем истоки повиновения военнопленных лагерной полиции? Как сравнительно небольшая группа полицейских могла терроризировать многотысячное население лагеря? Однозначного ответа нет. Сами пленные задумывались над этим и пытались найти причину.

Б.Н. Соколов за годы пребывания в плену пришел к выводу, что «немецкому полицейскому русский человек не верит, не понимает его и считает за дурака, которого можно и нужно обмануть. Совсем другое дело – свой полицейский. Его не обманешь; он такой же, как ты, и видит тебя насквозь. А строгости и свирепости у него больше, так как старается он от души, не за страх, а за совесть. Поэтому русскую полицию уважали, боялись и слушались, и в результате установился порядок»⁵⁵.

Не менее интересный вывод делает и П.Н. Палий. Он считает, что в повиновении «меньше всего было элемента “физического”, т. е. страха избиения или даже смерти, в основном это было психологическое явление, возможно, унаследованное из довоенной жизни в стране террора ЧК–НКВД, гипноз страха. Даже когда начинали говорить на эту тему между собой, то многие пугались, со страхом в глазах говорили: “молчите, прекратите эти разговоры, хуже будет”»⁵⁶.

Безраздельное господство лагерной полиции продолжалось около года. Однако уже весной 1942 г. лагерная полиция стала терять свой авторитет.

В результате «естественного отбора» выжили преодолевшие голод и болезни первого лагерного года. Изменилось и психологическое настроение пленных: выжили несломившиеся, неподдавшиеся всем тяготам и ужасам лагерной жизни. Эти люди уже не боялись лагерной полиции и организованно могли дать отпор.

И все-таки лагерная полиция просуществует еще почти год. Только в конце 1942 – начале 1943 г. в связи с некоторыми улучшениями в лагерной жизни, с уже установившимся и отработанным порядком немцы сами ликвидировали этот институт.

Многие из лагерных полицейских продолжили службу в формированиях Вермахта и тем самым, вероятно, спасли свою жизнь. Однако жизнь тех полицейских, кто в 1943 г. был переведен немцами в статус обычных пленных и распределен по разным лагерям, как правило, обрывалась довольно быстро. Бывших полицейских ненавидели. И при первой возможности с ними расправлялись. Их же жертвы сводили с ними счеты. Стоило пленным узнать, что рядом с ними бывший полицейский, с ним обязательно случалось «несчастье».

⁵⁴ К. Кромпади. Советские военнопленные в Германии... с. 197.

⁵⁵ Б.Н. Соколов. В плену... с. 58–59.

⁵⁶ П.Н. Палий. В немецком плену... с. 119.

Один был забит пленными в бараке, другой – утоплен в уборной, третий – повешен с инсценировкой самоубийства, – способов расправ было много.

Ликвидация проходила и организовано, с помощью лагерного подполья. Так, карточки всех пленным, прибывавших в Бухенвальд, проверялись подпольщиками, работавшими в канцелярии лагеря. Если в карточке пленного было отмечено, что до Бухенвальда он был полицейским в одном из лагерей, – его судьба была решена. Полицая направляли в лазарет, якобы, для обследования и там умерщвляли.

По свидетельству И.С. Асташкина, работавшего в Бухенвальде старшим санитаром в лазарете для советских военнопленных, в последнем было уничтожено за 1943–1945 гг. от 100 до 150 бывших полицейев. Некоторых искусственно заражали туберкулезом, и они умирали от болезни, однако большинство было умерщвлено уколом фенола⁵⁷.

Горе было тем полицаям, кого пленные опознавали после освобождения из лагерей. И.Я. Гетман вспоминает: «Когда американцы освободили нас, мы сразу назвали тех полицейских, которые служили немцам, издевались над пленными, убивали... Трех вывели. Американцы дали автомат нашим ребятам, и их тут же расстреляли. Так что расправа с теми, кто над нами издевался, была жестокой»⁵⁸.

Расправлялись с бывшими полицаями и в лагерях для репатриантов. Самосуд там был обычным явлением. Сотрудник миссии по репатриации А.М. Гоглидзе рассказывает, что в лагерях для репатриантов стоило сказать или узнать, что прибывший новичок – полицай, бывшие пленные реагировали мгновенно. Собиралась толпа: забивали до смерти и разбегались. Находили только трупы⁵⁹.

Таков был печальный, но закономерный конец этого уникального явления – лагерных полицаяев.

⁵⁷ И.С. Асташкин Воспоминания, с. 174, 184.

⁵⁸ И. Я. Гетман. Интервью с автором 26.6.93.

⁵⁹ А. Шнеер. Перчатки без пальцев и драный цилиндр. Иерусалим .2002,с. 121.